вило, не ослаблению, а углублению ее историзма: признание Вольтером и другими просветителями роли случая не только способствовало освобождению исторической науки от фаталистических представлений, но и усиливало интерес историка к характерам действующих на исторической сцене людей, особенностям природно-географической среды, состоянию нравов, роли реальной случайности и т. д.

Существенным недостатком исторических трудов Вольтера и вообще просветительской историографии мы вполне обоснованно склонны считать свойственное просветителям убеждение в том, что «идеи правят миром». Но и к оценке этого тезиса просветителей следует подходить диалектически, соотнося идеи просветителей с уровнем не только последующей, но и предшествующей им исторической мысли.

В основу своего «Опыта о нравах» (1769) Вольтер в противовес Боссюэ положил идею эволюции мира и человечества, имеющую, по представлению великого французского просветителя, свои внутренние законы, независимые от воли божества. История человечества развивается, согласно взгляду Вольтера, по восходящей линии. Но движет ею не бог, а сами люди. Смысл исторического прогресса состоит не в осуществлении ведомых божественному разуму и церкви провиденциальных целей божества, как полагали блаженный Августин и Боссюэ, а в достижении самостоятельности человеческого разума, завоевании человеком власти над природой, развитии науки, промышленности, создающих предпосылки для достижения разумной и свободной организации общественной и государственной жизни. При всех противоречиях, свойственных идеям просветителей, это был своего рода «коперниканский переворот» в истории общества, значение которого не следует недооценивать.

Подобно другим просветителям, Вольтер некритически исходил из понятия «естественного разума» и представления о «вечной», в принципе всегда равной себе, стихийно «разумной» природы человека. Но при этом Вольтер не считал, что «нормальные», «здоровые» потребности и разум человека в равной степени проявляются во все эпохи. Человеческий разум существовал, по Вольтеру, всегда. Но далеко не всегда человек умел разумно пользоваться им. Лишь постепенно, в ходе своей долгой истории, люди развивают свои потенциальные способности и узнают свои истинные потребности. Простодушный гурон по своему здравому смыслу, высоте своей морали, чистоте внутренних побуждений может превосходить (как Вольтер показал в философской повести «Простак») самого изысканного европейца. Но отсюда никак не следует, что цивилизованные люди могут, как полагал Руссо, вернуться к патриархальной простоте нравов (или встать на четвереньки). Уже в первобытные времена человек встречается с немалым количеством суеверий и заблуждений, которые колоссально возрастают в эпоху цивилизации. Лишь на-